

**К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕВОДА БЕЗЛИЧНЫХ
КОНСТРУКЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ Р.
БОРОДУЛИНА)**

Перевод является сложным процессом передачи информации с одного языка на другой, и одной из основных задач современного переводоведения является выявление функциональных соответствий в языке перевода языку оригинала. Традиционно сложным считается перевод художественного текста, при котором необходимо не только передать смысл текста-оригинала, но и сохранить особенности авторского идиостиля.

Цель данной статьи – выявить, как трансформируются безличные конструкции при переводе поэтического текста с белорусского языка на русский. Материалом исследования послужили лирические произведения белорусского поэта Р. Бородулина и их переводы на русский язык.

В современной лингвистике исследование семантико-грамматической категории безличности как одной из наиболее употребительных и разнообразных по структуре и семантике категорий русского языка занимает особое место. Высокая частотность употребления безличных предложений объясняется «не только все более развивающимися и уточняющимися формами мышления, расширением средств изобразительности, но и различными грамматическими процессами, которые в конечном итоге обусловлены также усложнением содержания речи» [3, с.151]. При непосредственном анализе языкового материала мы установили, что безличные конструкции характерны и для белорусского языка. Однако в процессе перевода нередко возникают проблемы, связанные, прежде всего, с поиском межъязыковых соответствий. Безличные конструкции текста-оригинала могут полностью или частично соотноситься с переводом, причем частичное соответствие оригинала и перевода требует особого внимания переводчика, поскольку его игнорирование может привести к семантической, стилистической или семантико-стилистической неточности.

Различия в лексическом составе и грамматических системах языков обязывают переводчика адаптировать исходный текст к нормам другого языка, используя переводческие трансформации. Под этим термином принято понимать преобразования, с помощью которых осуществляется переход от единиц оригинала к единицам перевода [2, с.48].

Сопоставительный анализ поэтических текстов Р. Бородулина и их переводов на русский язык, позволил выявить, что при переводе безличных конструкций, как правило, используются грамматические, лексические и лексико-грамматические трансформации.

Грамматические трансформации традиционно обусловлены несовпадением грамматической структуры исходного языка и языка перевода.

Использование лексических трансформаций при переводе художественного текста с одного языка на другой связано с различиями смысловой структуры слова двух сопоставляемых языков.

Лексико-грамматические трансформации вызваны своеобразием языка оригинала, особенностью языка перевода, индивидуальностью переводческого восприятия смысла предложения.

Наблюдения над оригинальными текстами Р. Бородулина и их переводами на русский язык свидетельствуют, что часто безличные предложения в русском и белорусском языках не только равноценны по семантике, но и идентичны по структуре. В этом случае можно говорить о грамматической адаптации:

*Зараз **плысці** ім/ на возеры нецярпення зыбкім/ ад берага ледаставу/ да берага крыгалому... // **Плыть** им нынче/ озером нетерпенья зыбким/ от берега ледостава/ до берега ледолома. (“Лодкі”, пер.Н. Кислика)*

Однако нередко в переводах поэтических текстов Р.Бородулина наблюдается использование различных трансформаций, что продиктовано субъективностью переводческого восприятия значения безличной конструкции в контексте.

Как свидетельствует собранный и проанализированный нами языковой материал, чаще всего переводчики прибегают к грамматическим трансформациям, при которых изменяется формальная структура предложения. Однако данный тип трансформаций, как правило, влечет за собой изменение семантического наполнения высказывания.

Среди грамматических трансформаций нами отмечены морфологические (замена частей речи, форм глагола и др.) и синтаксические (замена членов предложения, целых синтаксических конструкций):

*Мне **сумна**, як самотнаму ваўку./ Распальваю камін. З агнём жартую./ Мне, будто волку, **не уняць** тоску./ Горит камин, и я с огнём играю. (“Мне сумна, як самотнаму ваўку”, пер. В. Соловьевой)* Обе конструкции в данных отрывках являются безличными, однако в оригинале в качестве предиката используется безлично-предикативное наречие, а в русском переводе – инфинитив, который позволяет иначе расставить акценты в содержании текста: переводчик актуализирует не состояние лирического героя, а его бессилие перед чувством тоски.

Наиболее распространенной синтаксической трансформацией является замена безличных конструкций личными и наоборот:

*Знаёма **пахла** бульбай сопкай,/ сялом, пакінутым жытлом. // **Zanaħ** картошкой **позаранок**,/ селом, где бегал босиком. (“Адам і Ева”, пер. А. Дракохруста)* В оригинале автор использует в качестве предиката личный

глагол в безличном употреблении, выражающий ощущения от внешних явлений, а в русском переводе – двусоставное предложение.

Ледзь-ледзь хавалі зайздрасць хвалі,/ аж закіпелі у трысці, -/ мяне і човен падмывалі/ далёка з юнай заплысці... // От зависти пылая ало,/ заря горела високо.../ Вдвоём с челном нас подмывало/ заплыть с девчонкой далеко. (“Ішла над ціхім лесам поўня...”, пер. И. Бурсова) В данном случае можно отметить, что замена личного глагола безличным придает высказыванию иное значение, так как выбранная переводчиком безличная конструкция выражает действие, представленное как стихийная сила.

Использование синтаксических трансформаций наблюдается также при переводе пословиц:

Хіба што прыказка суцяшала:/ - Добраму чалавечку добра і ў запечку,/ а якой благаце/ блага і на куце...// ...Разве что присказка в утешенье:/ «Хорош человек/ – хорош и запечек,/ а худому худ/ и красный кут». (“Мама”, пер.Н. Кислика) Белорусскому безличному предложению в данном случае соответствует русское двусоставное предложение, однако отсутствие в оригинале идиотнической маркированности на лексическом уровне позволило переводчику сохранить семантику белорусской пословицы.

Также были отмечены и другие виды трансформаций на грамматическом уровне, среди которых переводческая конверсия, то есть замена морфологической формы языка оригинала другой по типу морфологической формой языка перевода:

Аблогі перамятае,/ аблогі перамяло. // Пространство порошей завяно, вся трасса белым-бела. (“Дзівоснае імгненне”, пер.Н. Кислика) В этом случае белорусский безличный глагол переводится посредством русского краткого причастия, сохраняя при этом значение действия, носитель которого представлен как стихийная сила.

Лексико-грамматические трансформации, использованные при переводе безличных предложений, охватывают как грамматическую структуру единицы, так и ее семантическую наполненность:

Снякоту тваю мне можна правезці – хай снег растае, -/ наветраныя таможні ніколі не знойдуць яе. // Мне нужно, а значит – можно/ в себе провезти этот зной./ Воздушные все таможники/ не сладят с тягой зимой. (“Дзівоснае імгненне”, пер.Н. Кислика) В данных отрывках отражены лексические и синтаксические различия, хотя оба предложения являются безличными. Если в оригинале сказуемое выражено сочетанием безлично-модального предикатива со значением возможности действия, то в русском переводе используется 2 безлично-модальных предикатива, выражающие необходимость действия и возможность его осуществления. Причем, прием модуляции, использованный переводчиком, подчеркивает стойкость, решительность, активное начало лирического героя.

В следующем примере можно также отметить, что изменение грамматического облика текста-оригинала приводит к появлению нового содержания:

Бывала нам мулка і вузка,/ пялёсткі былі і сцябло.// Бывало, что улицы грубы./ И шёпот, как стебель сухой. (“Чатыры літары”, пер. И. Шкляревского) Интересно, что переводчик оставляет только глагольную форму, не конкретизируя при этом состояние лирического субъекта, чётко обозначенное в оригинале. В данном случае значение состояния, выраженное в оригинальном тексте безлично-предикативными наречиями, при переводе заменяется придаточной частью.

Особым видом лексико-грамматических трансформаций является *антонимический перевод*, под которым принято понимать трансформацию утвердительной конструкции в отрицательную или наоборот, сопровождаемую заменой одного из слов переводимого предложения исходного языка на его антоним в переводящем языке [1, с. 215]:

Болю не трэба было дабаўляць./ Рук ты не чула,/ але спачувала,/ што ў перапёлкі ножкі баляць... // Боли хватало, брела наугад./ Но и тогда ты/ не забывала, - / «У перепелки ножки болят...» (“Матчына песня...”, пер. И. Шкляревского) В данном примере наблюдается использование особого вида антонимического перевода – *конверсивный перевод* (термин А.Д. Шверцера), для которого характерна не столько полярная противоположность признаков, сколько противопоставление наличия признака его отсутствию: бел. ‘не трэба было дабаўляць’ и рус. ‘хватало’ – окказиональные антонимы, один из которых отрицает признак, выражаемый другим.

К лексическим трансформациям относятся приемы, с помощью которых значение иноязычного слова проявляется в контексте путем подбора синонима, который, в свою очередь, не совпадает со словарным соответствием:

Тады хацелася наўзрыд/ заплакаць шчырымі слязамі.// И как хотелось мне тогда заплакать горькими слезами... (“Бацьку”, пер.И. Бурсова) Оба предложения являются безличными, в оригинале и в переводе характеризуется внутреннее состояние лирического героя, однако белорусскому ‘шчырыя слёзы’ в русском языке соответствует ‘искренние слезы’, а выбранная переводчиком лексема ‘горькие’ придает высказыванию негативный оттенок.

Необходимо назвать еще одну особенность, отмеченную при переводе поэтических текстов Р. Бородулина на русский язык. Одним из частотных приемов, используемых переводчиками, является *опущение*. Традиционно при переводе опущению подвергаются слова, являющиеся семантически избыточными. Но, как показывает исследованный нами материал, часто при сохранении общей идеи стихотворения переводчик изымает не только слова, но и предложения, а иногда и целые строфы:

Латышскі стол гасцінны/ нашоў сяброў сабраў./ Як на старым гасцінцы, / завозна тут ад страў.// Латышский стол широкий,/ гостеприимный стол,/ собрал друзей с дороги,/ их с чаркой обошел. (“Паэма жытняй скібе”, пер. И. Шкляревского)

Таким образом, исследование языка оригинала и перевода поэтических текстов Р. Бородулина позволяет сделать вывод, что большинство безличных конструкций в белорусском языке имеют соответствия в русском языке. Однако сложность конструкций на уровне синтаксиса, богатство их семантических оттенков обуславливают использование переводческих трансформаций – грамматических, лексических и лексико-грамматических. Поиск равнозначных функциональных соответствий конструкциям оригинала – сложная задача, решение которой зависит от умения переводчика выявлять и использовать потенциальные возможности языка.

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод. - М.: Международ.отн., 1975. – 240 с.
2. Бородулин, Р.И. Перакуленае/ Опрокинутое / На рус. и белорус.яз. – М.: Время, 2010. – 512 с.
3. Вежбицкая, А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402 – 421.
4. Галкина-Федорук, Е.М. Безличные предложения в современном русском языке.– М., 1958. – 332 с.
5. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.:Наука, 1988. – 215 с.